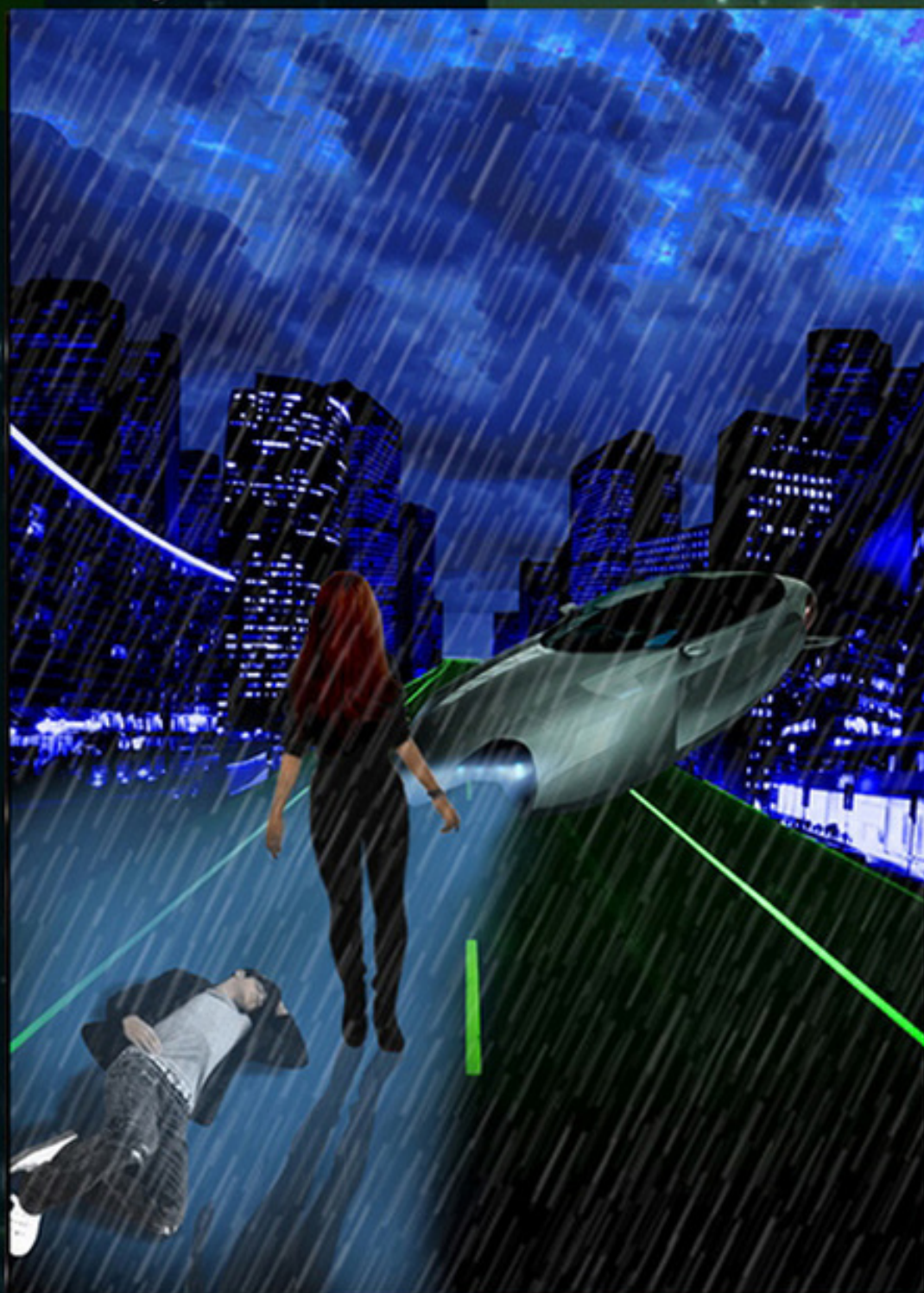

Артур САБИРОВ

ПРОЕКТ

«Глубокая память»

@ЭЛИТА

12+

Артур Сабиров
Глубокая память (сборник)

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Сабиров А.

Глубокая память (сборник) / А. Сабиров — Электронное издательство "Аэлита", 2013

В сборник вошли две повести и рассказ. «Проект „Глубокая память“». XXII век. Группа юных биохимиков создаёт препарат, позволяющий проникать в глубины генетической памяти. Препарат успешно опробован на мышах, и двое учёных решаются провести эксперимент на себе. Но мозг человека – непостижимая тайна даже для корифеев науки. После введения препарата парни приходят в себя: один – своим прапрапрадедом, талантливым учёным своего времени, а другой – пьяницей и воришкой, умершим два века назад. И вернуть ребят назад практически невозможно... «Под лиловым небом Адониса». На колониальной планете Земной республики вспыхнуло восстание мутантов. Молодой учёный Андрей Буранов, обладающий незаурядными парапсихологическими способностями, прибывает на Адонис в миротворческих целях. В первый же день он замечает странности в поведении чиновников правительственного аппарата. Это вызывает вопрос: а кому на самом деле нужна эта война? В поисках ответа Андрей распутывает клубок лжи, мести и жестокости, сплетенный обиженным на весь мир психопатом. Рассказ «Читающая чувства» – трагическая история девочки, обладающей даром читать чувства других людей. Произведения Артура Сабирова объединяет высокий морально-этический уровень и искренняя вера в такие понятия как дружба, сострадание, взаимовыручка, самоотверженность.

© Сабиров А., 2013
© Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Содержание

Пролог	7
Глава 1. Запретный эксперимент	10
Глава 2. Калейдоскоп воспоминаний	15
Глава 3. Воскрешение	16
Глава 4. Ефим Пальчиков	21
Глава 5. В доме Ерёмных	25
Глава 6. Культурология и парапсихологический взрыв	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Артур Сабиров

Глубокая память

© ЭИ «@элита» 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

25 июля 1908 года. Москва.

Полная луна серебряным диском повисла прямо над маленьким старым двухэтажным трактиром, стоявшим у заброшенной дороги. Подгнивающие бревенчатые стены поддерживали незатейливую разваливающуюся от старости крышу, которую жители трактира дружно проклинали во время дождя. Половина окон первого этажа (там был расположен бар) была выбита буйными посетителями. Второй этаж, предназначавшийся для гостей, был почти всегда пустым, так как редкие проезжающие мимо трактира путники в большинстве своём предпочитали потерпеть до следующего, чем останавливаться в этом убогом месте. Бар также приносил очень скромный доход.

Поэтому, когда в этот душный летний вечер трухлявая дверь трактира со скрипом распахнулась, пропуская внутрь необыкновенно толстого мужчину с потным красным лицом, хозяин трактира, старик Ермолай, услужливо подпрыгнул к посетителю.

– Чего желаете? – спросил Ермолай, быстро пробегая глазами по красивому чёрному плащу, чуть запялённым чёрным ботинкам и великолепно оформленной лакированной трости. Сделав для себя вывод, что гость его очень богат, старик Ермолай расщедрился ещё и на подобострастную улыбочку, которую он использовал лишь в присутствии очень состоятельных или влиятельных людей.

Толстый мужчина обвёл маленькими поросычкими глазками тесно заставленное столами помещение и тех, кто в нём находился, и, остановившись на худом заросшем бородой молодом человеке, который под его взглядом прямо-таки сжимался на глазах, сказал трактирщику:

– Принеси нам какого-нибудь вина.

Старик Ермолай, проводив глазами его взгляд, удивлённо уставился на молодого человека, одетого в какие-то грязные лохмотья и теперь воровато оглядывающегося, видимо, в поисках чёрного входа, которого в трактире не было. Но, решив не связываться в дела, которые его не касались, Ермолай быстро засеменил в погреб за вином.

Толстый мужчина, тяжело опираясь на трость, направился к столу, за которым сидел молодой человек.

– Ну, здравствуй, Ефимка! Здравствуй, скользкий гад! – сказал толстый мужчина, криво улыбнувшись.

– Э... здравствуйте, Аркадий Борисович! – с поддельным радушием воскликнул молодой человек по имени Ефим. Повеяло ужасным запахом алкоголя и дешёвого табака. – Садитесь со мной! Выпьем!

Аркадий Борисович с большим трудом уселся за стол напротив Ефима: то ли ему мешал его весьма объёмистый живот, то ли его мучила какая-то боль.

– И выпьем мы с тобой, Ефимка, и поговорим, – всё ещё ухмыляясь, сказал он. Ефим натянуто улыбнулся в ответ.

В это время к их столу подошёл старик Ермолай и, поставив между ними тяжело нагруженный вином и закусками поднос, быстро удалился.

Наполнив два бокала вином, Аркадий Борисович подтолкнул один Ефиму, а другой взял сам.

– Ну, за справедливость! – воскликнул он, опрокинув бокал в широкий рот.

– За справедливость, – глухо отозвался Ефим, нервно поёрзав на стуле, и тоже осушил бокал.

– А теперь перейдём к тому, о чём я хотел с тобой поговорить, сказал ещё больше раскрасневшийся Аркадий Борисович. – Видишь ли, сегодня утром кто-то украл золотое кольцо, семейную реликвию, оставшуюся мне от матери, царство ей небесное...

– Да Вы что?! – неправдоподобно изумился Ефим и сразу понял, что лучше бы он молчал.
– Да, да, представляешь? Сволочь такая! На святое позарился! – с осуждением сказал Аркадий Борисович, но довольная улыбка никак не желала сходить с его потного красного лица. – А ты, кстати, почему не взял деньги, а Ефимка?

– Какие деньги? Я ничего не брал! Мне чужого не надо! – вдруг затараторил Ефим.
– Успокойся, успокойся. Что ж ты так разволновался? – Теперь улыбка Аркадия Борисовича стала плотоядной. – Ты же обчистил мою квартиру...
– Я?.. Что?.. Да что ж... – задохнулся Ефим, у которого на лбу тоже выступили капельки пота.

– Извини, я неправильно выразился... Ты вычистил мою квартиру, и за уборку тебе полагаются деньги. Почему ты не дождался меня и не взял их?

Испуганно смотревший на него Ефим застыл на пару секунд, а потом вдруг лучезарно улыбнулся сквозь бороду.

– А-а-а! Те деньги... Да ну, что Вы!.. Разве за это просят... Я же по-дружески... Вот ещё!..
– Вот спасибо тебе, Ефимка! Спасибо, дружище! – благодарил Аркадий Борисович, но голос его был полон яда, отчего Ефим испуганно поёжился.

Толстяк снова разлил вина, и они выпили ещё по бокалу.

БАХ! Допив вино, Аркадий Борисович с размаху ударил бокалом по столу, по бокалу пошла трещина. Поросячьи глазки на красном лице бешено округлились и уставились на побелевшего Ефима. Сидевшие в дальнем углу бара двое мужчин настороженно оглянулись на них.

– Где кольцо моей матери?! – взвыл Аркадий Борисович.

– Я не знаю! – тут же выпалил Ефим.

– Отвечай, куда ты его дел! Отвечай, скотина!

– Я...

– Убью тебя, собака! Отвечай!

– Продал я его какой-то тётке здесь, в баре, – прохрипел полуживой Ефим.

– Какой тётке?!

– Не знаю!

– Где она?!

– Не знаю!

В ярости Аркадий Борисович так резко поднялся, что стул выскочил из-под него и с грохотом покатился в сторону. На шум из погреба вышел старик Ермолай, решивший всё-таки вмешаться, пока не поломали ещё что-нибудь из его имущества, но он лишь успел увидеть, как толстяк с перекошенным от гнева лицом достаёт из-за пазухи пистолет и направляет его на Ефима...

Выстрел разорвал тишину вокруг трактира.

* * *

7 декабря 2066 года. Казань.

Из окна в комнату лился яркий лунный свет, выхватывая из темноты лежащего на кровати больного старика, Михаила Робертовича Сафиуллина, и сидящего в изножье кровати юношу, его внука Алексея. Свет в комнате не включали, чтобы он не бил в глаза больному.

Сафиуллин тихонько постанывал, видимо, борясь с очередным приступом боли. Алексей, боясь нарушить молчание, держал его руку в своих ладонях.

– Алексей... – тихо позвал старик, лёжа с закрытыми глазами.

– Да, дедушка? Что-нибудь принести? – испуганно спросил Леша.

– Нет, не надо... Только... – Сафиуллин опять застонал.

– Дедушка, не говори, пожалуйста! – чуть не плача, воскликнул Лёша. – «Скорая» уже едет, дедушка! Подожди!

– Где Рита? – спросил он слабым голосом, который не на шутку встревожил юношу.

– Мама тоже едет. Дедушка, пожалуйста...

– Алексей... Лёша...

Сафиуллин открыл глаза и с нежностью посмотрел на внука. У Лёши на глазах навернулись слёзы, глотку сжало тугим обручем.

– Лёша, запомни... то, что я сейчас скажу, – прилагая невероятные усилия, проговорил Сафиуллин и замолчал, сжав челюсти. Лёша знал: он удерживает стон, готовый вот-вот вырваться из его груди – и поэтому молчал.

– Лёша, вы с мамой должны опубликовать мои последние исследования, – делая паузу чуть ли не после каждого слова, сказал Сафиуллин.

– Последние исследования? – не понял Лёша.

– Мама поймёт. Только запомни, – прошептал Сафиуллин.

– Хорошо, дедушка, – покорно отозвался внук.

Минуту помолчали. Старик шумно глотал воздух ртом, словно рыба, выброшенная из воды.

– Ты... ты всё-таки очень похож на свою мать, – улыбнулся он. Свободная рука Сафиуллина поползла по одеялу в сторону Лёши, и тот, догадавшись, что он хочет сделать, склонил голову, позволив дедушке характерным движением ласково поерошить его мягкие рыжие волосы. Слёзы горячим потоком хлынули из глаз юноши.

Тут тело Сафиуллина опять напряглось, борясь с болью, разрывающей его изнутри.

– Не успеют в этот раз врачи... – процедил сквозь зубы старик. – Хоть бы Рита приехала... хоть бы успела...

– Они едут, дедушка, пожалуйста...

Но тут Сафиуллин, страшно захрипев, склонил голову на бок. Невидящие глаза уставились куда-то в пол, отражая мягкий лунный свет, который он не мог больше видеть.

Сафиуллин ушёл, оставив внука бесшумно давиться рыданиями у его холодеющего тела.

Глава 1. Запретный эксперимент

14 июня 2126 года. Казань.

Рома дописал предложение и, бросив ручку, потёр усталые глаза, в которых от бессонной ночи уже покалывало. Захлопнув пухлый лабораторный журнал, парень поднялся со стула и с удовольствием потянулся. Продезинфицировав руки специальным раствором и встряхнув ими, отчего остатки раствора мгновенно испарились, Рома подошёл к столу, находившемуся в дальнем углу лаборатории, налил себе воды и выпил.

Он посмотрел на настенные часы и улыбнулся. Пять минут девятого. Сейчас придут его друзья, и он расскажет им о своей тяжёлой, но плодотворной ночи, которой он был очень доволен. Он не только успел протестировать новый препарат по трём параметрам, но и записал результаты в лабораторный журнал. Вот друзья-то обрадуются!

В коридоре послышались шаги и миг спустя в лабораторию вошли три подростка: две девушки и парень. Наташа, привычным жестом откинув за спину тяжёлый водопад каштановых волос, сразу потянулась к белому медицинскому халату, висевшему на вешалке, и явно не замечала застывшего у стола Рому. Юра, высокий крепкий парень, и Лена, стройная красавица-брюнетка, вошли, обнявшись – рука Юры ласково обнимала Лену за плечи, а её рука лежала на его поясице. Они с нежностью улыбались друг другу, так что Рома нисколько не удивился, что и они его не заметили.

– Кхе-кхе, – кашлянул Рома.

Друзья застыли, как были: Юра и Лена, обнявшись, а Наташа с одной рукой в белом рукаве халата.

– Ты здесь? – Брови Наташи удивлённо поползли вверх. – В такую рань? – прибавила она, покосившись на циферблат настенных часов.

– А разве мы не в восемь начинаем работать? – в свою очередь спросил Рома. – Вы опоздали.

– Странно слышать это от тебя! Ты же раньше десяти никогда не появлялся! – мгновенно выйдя из удивлённого оцепенения, вскинулась Наташа.

– Да ладно тебе, я же шучу! Тем более работы больше нет. Я всё доделал этой ночью! – с гордостью сказал Рома и улыбнулся. – Проект «Глубокая память» закончен. Ну, что, отработал я все свои опоздания?

– Ты работал всю ночь? – ошарашено спросил Юра.

– Не веришь – почитай журнал и посмотри видеозаписи опытов, – ухмыльнулся Рома, очень довольный реакцией друзей.

– Не может быть! – сказала Наташа, удивлённая не меньше Юры. – Ты хочешь, чтобы мы поверили, что один человек всего за одну ночь успел выполнить три эксперимента да ещё и занести их в журнал?

– Наташа, я не предлагаю вам поверить – посмотрите журнал!

Надев халат до конца, Наташа стремительно подошла к столу, за которым недавно сидел Рома. Распахнув журнал точно в нужном месте (там она остановилась вчера вечером), Наташа с удивлением обнаружила, что наблюдения, начинающиеся её мелким ровным почерком, продолжены косыми буквами, непременно выведенными Ромой. Пролистав все новые записи, она сказала:

– Кажется, всё в порядке... А это что?..

Наташа долго вглядывалась в последнюю страницу, а потом перевела скептический взгляд на Рому.

– Ты вводил препарат мыши? То, что здесь написано, правда?

Рома, улыбаясь, кивнул. Наташа кинулась к клетке с мышью. Юра и Лена подошли к журналу.

– «... В головном мозге мыши образовалось большое количество новых нейронов, ответственных за долгосрочную память, – начала читать Лена. – Взаимное расположение образовавшихся нейронов и их расположение в головном мозге точно совпадает с параметрами мышисамки, от которой была получена вышеупомянутая мышь...» – Она радостно посмотрела на Рому. – Значит, эксперимент удался? «Мемолин» работает?

– На все сто, – подтвердил он. – Мышь смогла вспомнить то, что помнила лишь её мать. Генетическая память действительно существует!

– Здорово! Здорово! – закричала Лена, кидаясь на шею сначала Юре, который уже успел отобрать у неё лабораторный журнал и уставиться в него круглыми от удивления глазами, а потом Роме. К Наташе она подходить не решалась: та уже убедилась, что мышь отлично себя чувствует, и принялась просматривать видеозаписи опытов.

– Ты гений, Ром! Настоящий гений! – Юра пожал другу руку.

– Правда, Ром, ты молодец! – лучезарно улыбнулась Лена. – Без тебя бы мы ещё долго над составом бились. А ты так ловко, за пару дней...

– Вроде бы в опытах тоже нет ошибок, – отодвигаясь от монитора, сказала Наташа. – Что ж, поздравляю, Ерёмин. Хорошая работа. Я ещё раз проверю все записи – не только твои, но и наши – и отправлю заявку в Научный комитет. Правда, жаль, что они не успеют вернуть нам проект до выпускного, а то бы мы смогли представить его в качестве вступительного научного проекта... Ну, ничего... Представим другие...

Наташа подошла к журналу и стала перелистывать его с самой первой страницы, проверяя, все ли наблюдения на месте и в той ли последовательности, а Лена пошла собирать последние данные с самопишущих приборов, которые, как и Рома, работали всю ночь.

Юра и Рома переглянулись и безмолвно решили, что сейчас самое время поведать девчонкам об их плане.

– Наташ, Лен, я хочу вам кое-что предложить, – осторожно начал Рома.

– Говори, – не отрываясь от работы, сказала Лена.

Наташа листала журнал, но видно было, что она тоже внимательно слушает.

– Я предлагаю не отправлять «Глубокую память» в Научный комитет, – сказал Рома.

Все замерли. Лишь прибор мозгового сканирования, поворчав, выплюнул Лене длинную ленту с результатами, которую она не поймала.

– Не отправлять? – Наташа, забыв о журнале, повернулась к Роме. – О чём ты говоришь? А кто будет изучать побочные эффекты препарата?

– Я неправильно выразился. Я предлагаю пока не отправлять «Глубокую память» в Научный комитет, – поправился Рома.

– Но зачем? – спросила Лена. – Ведь у нас всё готово.

– Да, конечно, но мы могли бы сами испытать препарат и устранить его побочные действия.

– Сами? Ты серьёзно? – ужаснулась Лена.

– Абсолютно, – твёрдо сказал Рома.

Прежде, чем Лена успела ещё что-то сказать, встряла Наташа:

– Ты с ума сошёл?! Испытывать новые препараты на людях имеет право только Научный комитет!

– Мы знаем, но он делает это слишком долго, – поддержал друга Юра.

– А к чему, собственно, такая спешка? – Карие глаза Наташи подозрительно сощурились.

– У меня нет ни одного научного проекта, – глубоко вздохнув, признался Рома. – Мне даже нечего предложить приёмной комиссии через две недели.

Глаза Лены расширились от удивления.

– Как же ты будешь поступать? Без научного проекта же нельзя...

– Я знаю, и поэтому...

– А-а-а, я, кажется, поняла, – медленно, словно озарение приходит к ней по частям, сказала Наташа. – У тебя не было научного проекта, но поступить на Биохимический факультет тебе очень хотелось, и поэтому ты присоединился к нашей научной группе месяц назад. Ты думал, что мы успеем его доделать и что ты потом сможешь выступить с «Глубокой памятью» в качестве вступительного проекта...

– Не забывай, Наташ, что Рома очень нам помог, – прервал её Юра. – До его появления мы не могли отыскать психоделический стабилизатор, который взаимодействовал бы с ЛСД без образования смертельно опасных веществ. Рома справился с этой задачей за два дня. Да и потом он работал на равных со всеми нами. Так что не надо его этим попрекать!

– Ну, конечно, лучший друг всегда поможет, правда, Юр? – ехидно сказала Наташа. – Даже если это будет стоить кому-то жизни! Но ничего! Какие пустяки! Главное, чтобы Ерёмину было хорошо!

– Стоить кому-то жизни? – непонимающе повторила Лена. – О чём вы говорите?

– А ты разве не поняла? – распялась Наташа, отчего её голос становился всё громче и громче. – У Ерёмина нет ни одного проекта. Следовательно, поступить в высшее учебное заведение он не может. Но очень хочет. И тут подворачивается под руку наш наполовину готовый научный проект. Он присоединяется к нам в надежде, что мы закончим его до июля, последнего срока сдачи проектов. Но, увы, мы закончили его только сегодня, 14 июня, а впереди ещё долгая проверка Научного комитета. Конечно же, комитет найдёт целую кучу побочных эффектов, которую мы опять-таки долго будем ликвидировать. И только после всей этой работы мы опять отправляем «Глубокую память» в Научный комитет, и он в течение пяти дней выносит свой вердикт. Все эти процедуры требуют много времени, которого у Ерёмина нет, и он решил сократить эту цепочку.

– Не понимаю, – покачала головой Лена. – Как можно её сократить?

– Очень просто, – тут же ответила Наташа, не давая парням и слово вставить. – Ерёмин хочет сам провести испытания «Мемолина» на людях и быстро устранить все дефекты препарата, а потом отправить его в комитет, который, не увидев никаких отклонений, моментально нас аттестует. Ерёмин сэкономит много времени и успеет получить готовый научный проект до июля. Следовательно, при таком раскладе он получает возможность подать документы в Биохимфак!

Тяжело дыша, Наташа бросила уничтожающий взгляд на Рому.

– Только ты, видимо, не учёл двух вещей, Ерёмин. Во-первых, подобные махинации противозаконны. Если в Научном комитете узнают об этом, нас не только не допустят ни в один вуз планеты, но и отберут проект. А «Мемолин» ведь великое открытие! С помощью него человечество сможет получить шанс заглянуть в прошлое! Увидеть его глазами очевидцев! Генетическая память – это кладёзь информации для историков! Ты не имеешь права рисковать развитием прогресса! И, во-вторых, «Мемолин» может иметь очень опасные побочные эффекты, а ты собрался испытывать его на людях без должного образования и оборудования! Это более чем безответственно! Не могу поверить, что ты готов рискнуть здоровьем, а может быть, и жизнями тех людей только ради себя!

Наташа замолчала. Лена смотрела на Рому во все глаза. Юра хотел что-то сказать, но Рома взглядом сказал ему: «Не надо».

– Ты молодец, Наташ. Не думал, что кто-нибудь догадается, – после короткого молчания спокойно начал Рома. – Но всё же ты дважды ошиблась. Да, я хочу испытать препарат сам; да, я хочу поступить на Биохимфак, и поэтому хочу нарушить закон... Но я никогда не стал бы подставлять под удар вас. Если незаконный эксперимент всплывёт наружу, я честно сознаюсь во всём, и вас никто не тронет и, тем более, не отнимет проект. Это, во-первых. А во-вторых, я

ни за что в жизни не стану рисковать здоровьем и жизнями людей. Я хочу испытать «Мемолин» на себе.

Опять повисло молчание. Роме казалось, что он слышит, как головы девочек переваривают эту информацию.

– Но поскольку одного человека для испытаний слишком мало, я решил выступить в качестве второго, – добавил Юра.

– Нет! – вырвалось у Лены.

– Вы точно сумасшедшие! – крикнула Наташа.

– Юр, спасибо тебе, конечно, но я до сих пор считаю, что тебе не стоит, – сказал Рома.

– Нет, стоит. Мы с тобой физиологически очень разные: ты обладаешь парапсихологическими способностями, а я – нет. Испытав препарат на нас обоих, мы расширим спектр изучения побочных эффектов, увидим, как действует препарат на совершенно разных по физиологии людей. Это увеличит наши шансы устранить все дефекты «Мемолина», – пояснил Юра скорее девушкам, чем Роме, который уже слышал этот довод.

– Ну, что, девчонки, поможете нам? – спросил Рома.

Лена нервно взглянула на Юру. Зато Наташа отреагировала моментально:

– Ни за что! Это противозаконно!

– Я же сказал, что вы в безопасности, – сказал Рома. – Вся ответственность будет лежать на мне.

– Ты говоришь без знания закона! – заявила Наташа. – Накажут всех: и тех, кто согласился принять не протестированный комитетом препарат, и тех, кто вводил препарат и вёл наблюдения!

– Поймите, девчонки, это моя мечта! Я всю жизнь мечтал стать биохимиком!

– Всю жизнь мечтал, а подготовить проект не успел, да? – съязвила Наташа.

– Я... я был занят, – туманно ответил Рома.

– Ага, занят: ходил по пятам за этой рифмоплёткой Юлькой Егоровой! Всё стишками её наслаждался, а о выпускном даже и не думал! А когда она тебя бросила, сразу прибежал к нам! – на одном дыхании выпалила Наташа.

Рома поднял брови.

– Ты что, ревнуешь, Маркина?

– Что?! Ревную? Вот ещё! И не мечтай, Ерёмин! – крикнула покрасневшая Наташа и, сорвав с себя халат, швырнула его в стоявшее рядом кресло. – До завтра. Я устала от глупых споров!

Высоко подняв голову, она вылетела в коридор.

– Наташ, подожди! – Лена метнулась было следом, но Юра схватил её за локоть. – Пусти! Она же уйдёт!

– Пусть идёт. Она нам, собственно, и не нужна, – сказал Юра. – Ты вполне можешь и одна вколоть нам с Ромкой препарат и описать побочные эффекты. А потом мы все вместе поработаем над их устранением.

– Нет, Юр, я не стану. Наташа права: с вами может случиться всё, что угодно!

– Не случится, – заверил её Юра. – Наташа перегибает палку. Мышь ведь всё ещё жива, да и её здоровью, судя по анализам, ничто не угрожает. Проверка на людях – всего лишь формальность. Мы бы хоть сейчас отправили «Мемолин» в Научный комитет, но рисковать Роминым будущим не хотим.

– Но ведь Рома может поступить в следующем году, когда проект, наверняка, будет готов! – не сдавалась Лена.

– Ты что! Он же будет на курс младше нас! Нет уж! Я хочу учиться с лучшим другом на одном курсе! – решительно заявил Юра.

– Спасибо, дружище. – Рома благодарно похлопал Юру по спине.

– Ну же, Лен, соглашайся! – Юра взял её за плечи, отодвинул на расстояние вытянутой руки и внимательно посмотрел ей в глаза. Лена неприятно поёжилась, но взгляд не отвела: видимо, ей это было уже не по силам. – Нам очень нужна твоя помощь. От тебя зависит судьба человека, судьба твоего друга.

– Пожалуйста, Лен, я мечтал о Биохимфаке с детства, – подал голос Рома, решив, что для этого самое время.

На больших цвета летнего неба глазах Лены появились слёзы.

– Вы не должны просить меня об этом. – В её голосе было больше мольбы, чем во всех словах Юры и Ромы вместе взятых.

Рома молчал, думая, что это уже перебор и надо заканчивать с Леной и искать другой выход из ситуации. Но Юра всё ещё молча смотрел в глаза девушки, словно выжидая чего-то.

– Наташа обо всём узнает и убьёт нас! – наконец, проговорила Лена очень тихим голосом.

Юра заключил её в мощные объятия, а Рома лучезарно улыбнулся: победа!

– Ничего она не узнает! – выпустив Лену, сказал Юра. – Ты введёшь нам маленькую дозу препарата, на пару часов. Этого достаточно, чтобы увидеть основные изъяны «Мемолина». К завтрашнему дню мы снова будем в здоровой памяти и успеем исправить препарат до восьми утра. Наташа ничего и не заметит, если только не примется опять перечитывать журнал...

– Ох, я очень пожалею об этом! – тяжело вздохнув, сказала Лена.

* * *

Лена извлекла иглу шприца из руки Юры и сразу посмотрела ему в лицо, ожидая моментального появления страшных побочных эффектов. Но Юра лишь ободряюще улыбнулся ей и, немного поёрзав на кушетке, чтобы устроиться поудобнее, закрыл глаза, словно он просто ложился спать.

Понаблюдав за ним ещё две минуты, которые Юра стойчески не шевелился, чтобы мнительная Лена не подумала, что у него эпилепсия или ещё что похуже, девушка всё-таки отошла от Юриной кушетки и подошла к Роме. Он, уже готовый для укола, лежал на другой кушетке с засученным халатным рукавом. Сделав ему укол, Лена также внимательно осмотрела его, как и Юру, и села на стул перед кушетками.

– Когда будешь крепить датчики? – как можно более бодрым голосом спросил Юра.

– Как только вы уснёте – непривычно тихим голосом ответила Лена, смотря на парней, как на смертельно больных.

– Не переживай, Лен, приборы докажут тебе, что мы в полном порядке! – сказал Юра и зевнул. – Что-то немного в сон клонит...

– Так и задумано, – сказала Лена, скорее для того, чтобы убедить себя в этом.

Рома тоже заметил, что его тело начинает наливаться тяжестью и что он медленно проваливается в чёрную бездну под мерное попискивание лабораторных приборов.

Глава 2. Калейдоскоп воспоминаний

Рома почти сразу увидел яркие вспышки. Он подумал, что это сон, но потом понял, что он не спит и не бодрствует. Это было какое-то новое, непонятное состояние.

Сконцентрировавшись на вспышках, Рома понял, что это проносящиеся со скоростью света картинки, эпизоды из чьей-то жизни... Чужие воспоминания! Рома возликовал: эксперимент удался! «Мемолин» работает! Ему совсем не было страшно, хотя он чувствовал себя подвешенным в воздухе, не знал, где верх, а где низ, и вокруг него бешено мелькали воспоминания его предков, сохранившиеся в его ДНК, частицы которого передавались из поколения в поколение сотни лет.

Но с каждым новым воспоминанием Рома начинал чувствовать себя всё слабее и слабее, будто они высасывали из него силы.

В том состоянии, в котором он находился, не существовало понятий о пространстве, о времени, о физическом и духовном. Всё исчезло, осталось только чувство собственного существования по отношению к появляющимся и исчезающим картинкам.

...Маленький мальчик, которому было не больше года, неуверенными шагами идёт в распростёртые объятия добрых и нежных женских рук...

Рома чувствует себя человеком, смотрящим очень интересный фильм.

...Темноволосый мальчик с гордостью показывает своей матери пятёрку в школьном дневнике. Та нежно улыбается, положив руку ему на голову...

В Роме что-то стыдливо сжалось. Он чувствовал себя так, будто его застали смотрящим в замочную скважину запертой двери.

...Красивый стройный парень быстро и легко порхал по ледовому катку, заливая его звонким смехом...

Рома почувствовал давление со всех сторон, словно на него осуждающе смотрели. Он здесь лишний, незванный гость. Зачем он пришёл? Зачем потревожил священные знания, спрятанные самой природой в закрученные двойной спиралью молекулы?

...Парень слился в прекрасном поцелуе с девушкой, чьи длинные тёмно-рыжие волосы пылали в лучах заходящего солнца...

Рома становился прозрачным. Он стал слабее ощущать себя, словно растворяясь в бесконечных воспоминаниях.

...Он стоял в белом халате посреди ярко освещённой комнаты, наблюдая за стеклянной колбой, в которой, постепенно краснея, булькала какая-то жидкость...

Рома отрешённо смотрел на чужую память. Это не в его мозгу мелькала вспышками чья-то жизнь – это неведомая Вселенная снизошла до того, чтобы открыть ему свои тайны.

...Золотая медаль, отражая солнечный свет, лежала в своём уютном бархатном гнездышке...

Он стал бесплотным и прозрачным, как призрак. Воспоминания становились всё настойчивее и настойчивее, обступая его со всех сторон, словно стены тюремной камеры.

...Он стоит на причале, сжав руками ржавые перила и бросая слёзы в огромные холодные волны, разбивающиеся о бездушный, как весь мир, бетон...

Чужая память полностью окружила Рому, завертев его в вихре быстро меняющихся воспоминаний. Они заполнили собой всё. Кроме них больше ничего не существовало.

...Он лежал на кровати, дряхлый и умирающий, а рядом в лунном свете блестело от слёз лицо рыжеволосого мальчика...

Вдруг тьма сомкнулась на нём, отделив его от чужих воспоминаний. Чужих? Как они могут быть чужими, если у него нет собственных? А может, это его мысли и чувства? Хотя... Разве у него может быть что-то своё? Он никто. Его нет. Он часть несуществующего мира.

Глава 3. Воскрешение

Он открыл глаза. Вокруг него было просторное залитое электрическим светом помещение, за окном темнело небо. Он попытался приподняться и вдруг понял, что лежит на довольно жёсткой кушетке, а к его рукам и голове протянуты разноцветные провода.

– Рома, не двигайся! Я сейчас! – донёсся откуда-то слева звонкий девчоночий голос, а через несколько секунд перед ним появилась и его обладательница – красивая девушка с тёмными волосами и большими цвета небесной лазури глазами – и принялась отклеивать от него присоски с проводами. – Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, спасибо, – ответил Сафиуллин. – Простите, а где...

Но Лена, не способная больше сдерживать восторг, похоже, его не слушала.

– Это потрясающе, Ром! – восклицала она. – Всё получилось! Через десять минут после введения «Мемолина» компьютер зафиксировал бурный рост нейронов в твоём головном мозге! Правда, мы, к сожалению, не знаем, чью память ты видел, поскольку ни один из твоих предков не оставлял нейронных карт в базах данных Министерства здравоохранения (они и сейчас-то не у каждого есть), но уже то, что осуществлён рост нейронов, многое доказывает! Это так здорово! А кстати, чьи воспоминания ты видел? Хотя ты, наверное, не сможешь сказать точное имя, да? Но хотя бы время ты определил? Двадцать первый век? Двадцатый?

Она, наконец-то, замолчала, встретившись с недоумённым взглядом Сафиуллина.

– Простите, я Вас не совсем понимаю... Вы медсестра? – предположил Сафиуллин, увидев на девушке белый халат. – Это ведь больница?

Лену словно оглушило громким выстрелом. Она пристально посмотрела в до боли знакомые глаза Ромы, в которых появилось что-то новое, но что – она не могла понять.

– Рома, не пугай меня, пожалуйста...

– Почему Вы называете меня Ромой? Меня зовут Михаил Сафиуллин. Кто привёз меня сюда? Маргарита Ерёмкина?

При упоминании этой фамилии лицо Лены залила восковая бледность. Она вдруг всё поняла, и от этого ей стало очень страшно.

Она подскочила ко второй кушетке, которую Сафиуллин сначала не заметил, и стала отчаянно трясти лежащего на ней парня.

– Юра! Юра, проснись! Юра, прошу тебя, вставай! – кричала она, но, убедившись в безрезультатности своих попыток, бросилась к компьютеру, который стоял на столе в дальней части помещения.

Сафиуллин изумлённо наблюдал за ней.

– Девушка, Вы так и не сказали мне, кто меня привёз! Где мои родные?.. И где я вообще? – добавил он, внимательно осмотревшись.

Вокруг блестели холодным металлом неизвестные ему приборы. На невысоком столике неподалёку от его кушетки стояли клетки с мышами и крысами разных размеров. Широкий лабораторный стол в центре помещения был нагромождён бесчисленной стеклянной посудой и большими бутылками с жидкостями.

Сафиуллин похолодел. Он, посвятивший всю свою жизнь биохимии, не мог не узнать это помещение. Лаборатория. Только какая-то странная... Таких приборов он никогда не видел, да и животные в клетках казались намного больше тех, что живут в его лаборатории. Но зачем его привезли сюда?

Вдруг у него перед глазами поплыла размытая, но очень знакомая картина кладбища, которое находилось недалеко от его дома. По мере того, как Сафиуллин пытался разглядеть надпись на надгробном камне, находящимся в центре его внезапного видения, оно становилось всё менее чётким и, наконец, растаяло, вернув его в странную лабораторию.

В этот момент один из многочисленных приборов запищал и выплюнул прямоугольный лист формата А-4. Лена ловко подхватила его, подошла к Сафиуллину и спросила, заглядывая в листок:

– Вы Сафиуллин Михаил Робертович, профессор биохимии, основатель химии парапсихологически активных веществ, живший с 1982 по... то есть родившийся в 1982-ом году?

– Да, – ответил слегка озадаченный её осведомленностью Сафиуллин: всё-таки известным учёным он назвать себя не мог.

– О нет! – застонала Лена, кидая листок на одну из клеток с мышами. – Только не это!

– Простите, девушка, может, моё общество и не самое приятное, – холодно сказал Сафиуллин, явно обидевшись на её реакцию, – но я всё же прошу сказать мне, где я нахожусь.

– Что же мне делать? Что же мне делать? – не слушая его, говорила сама с собой Лена. Она принялась ходить взад-вперёд перед кушетками, сопровождаемая раздражённым взглядом Сафиуллина. – Вызвать Наташу? Или попытаться исправить всё самой? А вдруг я сделаю ещё хуже? Что же делать?! Нет, хватит полагаться на случай! Я же учёный! Нужно звонить Наташе! Она, конечно, меня убьёт, зато поможет исправить то, что я натворила!

И Лена опять побежала в другой конец лаборатории. Сафиуллин вне себя соскочил с кушетки и поспешил за ней, полный решимости выяснить, где он находится и почему. Но тут справа от него что-то шевельнулось, и он инстинктивно обернулся.

На него смотрел стройный темноволосый мальчик лет шестнадцати, одетый в белый медицинский халат с закатанными рукавами и джинсах. По мере того, как голову Сафиуллина пробивала шокирующая информация, лицо мальчика всё больше искажала гримаса ужаса.

Сафиуллин смотрел на себя в большое прямоугольное зеркало, показывавшее его во весь рост, и не мог ему поверить. Сначала он подумал, что зеркало не без фокуса, но, ощупав своё лицо и волосы (мальчик в зеркале в точности повторил все его движения), понял, что он действительно не он.

– Кто я?! – воскликнул Сафиуллин, и его испуганный голос эхом отразился от равнодушно попискивающих приборов.

Лена обернулась на него, сидя за компьютером, в мониторе которого отображалось перепуганное насмерть лицо девушки, обрамлённое густыми каштановыми волосами.

– Вы что, правда провели эксперимент? – тихо прошептала Наташа через несколько секунд, зло глядя на Сафиуллина из монитора. – Вы спятили! Нас всех отстранят от работы! Всех не допустят к защите научного проекта, а следовательно, и к поступлению в вуз! Ну, держитесь! – добавила она, бросая испепеляющий взгляд на Лену, которая уже наполовину сползла со стула, и исчезла с монитора.

– Ух-х-х! – выдохнула Лена, вставая. – Ещё легко отделалась! Надеюсь, она немного остынет, пока будет добираться...

– Да что тут, чёрт подери, происходит?! – заорал Сафиуллин, вконец взбешённый её пренебрежительным по отношению к нему поведением и ужасной ситуацией, в которой оказался. – Кто это?! – Он ткнул в зеркало. – Кто я?!

– Вы Сафиуллин Михаил Робертович, – наивно ответила Лена, слабо улыбувшись.

– Вы что, издеваетесь?!

– Пожалуйста, успокойтесь! Давайте дождёмся мою подругу, она Вам всё объяснит... и мне заодно...

– Нет уж, извольте объяснить сейчас! – настаивал Сафиуллин.

– Ох, ну, хорошо, хорошо, – страдальчески глядя на него, сказала Лена. – Сегодня 14 июня 2126 года. Вы... точнее Ваше сознание и, быть может, сознания ещё нескольких людей находятся сейчас в голове Вашего потомка в пятом поколении, Ерёмину Романа. А сами Вы давным-давно... умерли...

– Что?! – Большой ереси он ещё никогда не слышал. – Что Вы несёте?

– Я же говорила: лучше дождитесь мою подругу, – с лёгким раздражением сказала Лена.

Тут раздался громовой удар: это распахнулась и ударилась о стену дверь. В лабораторию, словно ураган, влетела растрёпанная Наташа и, недобро сверкая глазами на Лену, двинулась прямо к ней. Сафиуллин несколько не удивился, что Лена под напором её взгляда слегка отпрянула назад.

– Как вы посмели! Как посмели лишить меня будущего из-за какого-то чокнутого лове- ласа! – крикнула она, ткнув пальцем в Сафиуллина, который недоумённо поднял брови. – Он, значит, развлекался с этой Егоровой, пока мы работали, а под конец года, видите ли, опом- нился! Гнать надо было его в шею, когда он припёрся сюда! Безответственный, самовлюблён- ный, эгоистичный...

– Простите, Вы это всё обо мне? – ошарашено спросил Сафиуллин, на мгновение забыв о своём главном вопросе.

Наташа осеклась и резко повернулась к нему.

– Ах, да... Ты же не... Вы же... А кто же Вы? – спросила Наташа, смотря на знакомого ей парня и от этого чувствуя себя идиоткой.

– Я уж и сам не знаю! – иронично сказал Сафиуллин, разводя чужими руками.

Наташа посмотрела на Лену и совсем другим тоном (видимо, любопытство победило в ней гнев) спросила:

– Кто он?

Лена, явно обрадованная спокойствием подруги, сразу же ответила:

– Сафиуллин Михаил Робертович...

– Сафиуллин?! – взвизгнула Наташа.

– Д-да, – вздрогнув, подтвердила Лена.

– Биохимик? Основоположник химии парапсихологически активных веществ? Человек, синтезировавший DDNC и предложивший пять способов биохимического пробуждения теле- патии?

– Да, – ответил уже Сафиуллин. – А откуда Вы об этом знаете? Я же ещё не опубликовал способы...

Тут глаза снова застелило кладбище, которое казалось теперь таким чётким, точно он сам стоял перед серым треснувшим надгробным камнем. «Сафиуллин Михаил Робертович. 1982–2066 гг.», – прочитал он.

– Я... я умер? – тихо спросил Сафиуллин, когда видение растаяло. – Какой сейчас год?

– 2126-ой, – сочувственно ответила Лена. – Вы умерли шестьдесят лет назад.

Наверное, у него был ужасный вид, потому что Наташа испуганно подтолкнула под него стул, в который он бессильно свалился.

– А кто же этот бедный мальчик? – спросил Сафиуллин, смотря на свои раскрытые ладони.

– Это Ваш прапраправнук Роман Ерёмин, – ответила Лена.

Сафиуллин устало закрыл глаза. Голова и так казалась жутко тяжёлой, а тут ещё и этот бред сумасшедшего. Вдруг в памяти что-то промелькнуло.

– Вы Лена, – сказал он, посмотрев на Лену. – А Вы... – Он перевёл взгляд на Наташу. – Вы Наташа, верно?

– Вы... помните? – изумилась Лена.

– Видимо, к некоторым Роминым воспоминаниям Вы всё же имеете доступ, – медленно промолвила Наташа, уставившись на Сафиуллина невидящим взглядом. Но через секунду она уже очнулась. – Я и не знала, что Рома Ваш потомок. Наверное, он и сам не знает об этом. Почему у него другая фамилия?

– Моя дочь вышла замуж и взяла фамилию мужа, – ответил Сафиуллин. – Так, наверно, и прервался наш род по мужской линии. Теперь, стало быть, все мои потомки носят фамилию

этого бездарного музыкантишки, мужа моей дочери Константина Ерёмкина... Вы мне, кстати, так и не объяснили, что со мной.

– Вам объяснить будет гораздо легче, чем кому-либо, – обрадовалась Наташа. – Помните Вашу работу «Молекулярная память»? В ней Вы пытались доказать существование генетической памяти.

– Да-да, конечно, – оживился Сафиуллин. – Я в молодости занимался генетической памятью, но так и не преуспел в этом направлении и бросил, засекретив свои разработки. Где Вы прочитали «Молекулярную память»?

– Один из Ваших потомков рассекретил этот труд вместе с другим – «Генерация параспособностей», – ответила Наташа.

– А-а, это, наверное, Рита с Лёшкой постарались, – улыбнулся Сафиуллин. – Я попросил их после моей смерти опубликовать мою последнюю работу – «Генерацию», но они, кажется, решили отнести в редакцию всё, что было в столе. И что же с этой «Молекулярной памятью»? Она хоть кому-нибудь пригодилась?

– Конечно! Благодаря этой работе Вы сейчас говорите с нами!

Наступила недолгая пауза. Парень на второй кушетке зашевелился, и Лена тут же метнулась к нему. Сафиуллин и Наташа остались неподвижны.

– Вы хотите сказать, что я и есть результат эксперимента с генетической памятью? – медленно спросил Сафиуллин, вставая и снова смотрясь в зеркало.

– Да! После введения созданного нашей группой препарата, который мы назвали «Мемолин», активируется память ДНК и РНК митохондрий. Они в свою очередь стимулируют рибосомы клетки на кратковременный синтез белков с другими параметрами в отличие от Ваших собственных. Белки в головном мозге собираются в новые нейроны, и тут же обволакиваются липидным слоем. Новые нейроны должны были выстраиваться в той же последовательности, в которой они существовали в головном мозге предыдущего организма, но что-то пошло не так. У мыши выросла такая же нейронная сетка, как и у её матери, а продержалась эта сетка всего несколько часов, после чего распалась без последствий для мыши. Но Вы... Организм человека повёл себя несколько иначе, чем мы думали. Ваша нейронная сетка, видимо, слишком прочная...

– А с какой это стати школьники вообще проводят опыты над людьми? – нахмурился Сафиуллин. – Или в будущем это разрешено?

Прежде, чем расстроенная Наташа попыталась ответить, на помощь подруге примчалась Лена:

– Простите, Михаил Робертович, это я вводила Вашему прапраправнуку препарат. Он очень просил меня об этом в связи с его очень непростой ситуацией, которую слишком долго объяснять... Да и вряд ли Вы поймёте...

– Не надо было поддаваться на его провокации! – строго сказала ей Наташа.

– Это уже не важно, – отозвался Сафиуллин и вдруг вспомнил свои видения. – А почему я помню свою смерть и похороны? Ведь генетическая память передаётся из поколения в поколение. Значит, я должен помнить лишь часть своей жизни: от рождения и до двадцати семи лет, когда родилась моя дочь и унаследовала память о моей жизни до неё. Всё, что было позже, я помнить не должен, так как память об этом должна была умереть вместе со мной.

– Правильно, но Вы кое о чём забываете, – сказала Наташа тоном учительницы, что не понравилось Сафиуллину. – Ваша остальная жизнь отпечаталась в памяти Ваших детей и внуков, которые тоже передавали её по наследству. Так что Вы частично такой, каким Вы запомнили себя, и частично такой, каким Вас запомнили Ваши потомки.

Они замолчали. В лаборатории всё также монотонно попискивали неведомые приборы. Сафиуллин переваривал поступившую информацию. Он не мог, но очень хотел верить в происходящее. Неужели он сейчас живёт в собственной мечте? Ведь он мечтал когда-то об успехе

проекта «Молекулярная память», но так и не смог изобрести состав, способный пробудить генетическую память.

– А этот ваш «Мемолин»... Что это? Что у него за состав? – спросил заинтригованный Сафиуллин.

– Состав очень сложен, но главными его составляющими, как и в Вашем проекте, являются N,N – диэтиламид лизергиновой кислоты, психоделический стабилизатор, изобретённый Ромой, и DDNC, немного усовершенствованный мной, – ответила Наташа.

– Вы усовершенствовали DDNC? – Сафиуллин скептически поднял брови. – И как же?

– Я ввела ещё одну аминокгруппу в бета-положение и присоединила его к производному индола, – холодно ответила Наташа, задетая его неуверенностью в её способностях. – В итоге вещество показало намного лучший результат при его проверке на ДНК и РНК памяти.

– Гениально! Аминокгруппу Вы добавили для лучшего сцепления с молекулами нуклеиновых кислот, так? – восхитился Сафиуллин. – А зачем пригодилось производное индола?

– Индольный хвост хорошо размягчает оболочку ядрышка клетки, что позволяет почти всем молекулам вещества добраться до хромосом, – азартно ответила она, польщённая столь живым интересом со стороны видного учёного, которого считала своим кумиром.

Сафиуллин хлопнул себя по лбу.

– Как же я не догадался! Вот почему мой DDNC работал так слабо и медленно! Наташа, Вы гений! Или все дети в недалёком будущем такие одарённые?

– Нет, – ответила Лена, улыбаясь, – даже по нынешним меркам Наташа гениальна! Она лучшая ученица в городе. За неё уже все вузы передрались!

Смущённая, но жутко довольная Наташа просияла.

– А теперь, если Вы не против, Михаил Робертович, мы должны просканировать Ваш мозг, – сказала Лена. – Нужно проверить состояние Вашей нейронной сетки.

Сафиуллин послушно вернулся на свою кушетку и надел на голову прибор, похожий на средневековый шлем. Через пять минут Лена уже вернулась с результатами обследования.

– Похоже, у нас проблемы, Наташ, – тихо сказала она.

– Что случилось? Говорите же! – Сафиуллин хотел быть в курсе всего, что происходит в его голове... то есть в голове его прапраправнука.

Лена вопросительно покосилась на Наташу, и та сразу кивнула.

– В общем... нейронная сетка не уменьшается, а, наоборот, увеличивается, – сказала Лена. – Не знаю, с чем это связано, но это очень опасно. Если мы вовремя не остановим рост новых нейронов, то мозг просто начнёт разрушать старые за неимением свободного места. В таком случае Рома, скорее всего... сознательно погибнет... А Ваше сознание на некоторое время станет доминирующим, но потом... потом, я думаю, Вас тоже сменит кто-нибудь ещё...

Сафиуллин смотрел на неё с ужасом. Мало того, что он умрёт во второй раз, так он ещё и унесёт с собой Рома, оставив его тело поочередно переходить от одного потомка к другому. Наташа нервно покусывала побелевшие губы.

– Есть и другой вариант развития событий, – прервала молчание Лена. – Мозг может не начать разрушение старых нейронов. В этом случае произойдёт внутреннее кровоизлияние, и Рома погибнет не только сознательно, но и физически...

В этот миг парень на соседней кушетке что-то промышчал и начал подниматься. Все взгляды обратились к нему. Юра сел на кушетке и уставился на них глазами, в которых больше не было и следа от его неугасаемого оптимизма и юмора.

Глава 4. Ефим Пальчиков

Парень испуганно заозирался по сторонам.

– Боже! Где я? Где я?! Что со мной случилось? – вдруг закричал он вне себя от страха. От столь бурной реакции Сафиуллин и девушки потеряли дар речи.

Парень соскочил с кушетки и начал шарить по карманам Юриных брюк, совсем не смутившись незнакомой одеждой.

– Деньги! Где мои деньги?! – завопил он, ничего не найдя, кроме шариковой ручки с непонятным логотипом. – Где мои деньги?!

– П...простите... а кто Вы? – первая нашлась Лена.

– Я? Ефимка, кто ж ещё-то?

– А фамилия?

– Пальчиков я, Пальчиков Ефим Пантелеймонович, – недоумённо ответил Ефим, а потом подозрительно сощурил глаза. – А тебе зачем?

Лена, не ответив, снова бросилась к компьютеру. Зря она это сделала: от её быстрых движений пугливый Ефим явно занервничал.

– Кто вы? Почему я здесь? Я же был в баре, – затараторил он, и его глаза принялись обшаривать лабораторию в поисках чего-то.

– Успокойтесь, пожалуйста, Ефим Пантелеймонович, – начала Наташа. – Вы, простите, из какого бара к нам прибыли?

– Ясень-пень, из какого! Из Ермолаевского! Будь он неладен. Опять что ли нажрался, да? Эх, что ж это за дела такие! Вечно нажираюсь! – жаловался он. – Опять в больницу свезли, да? И обчистили заодно? Что б им пусто было, скотам!

И к ужасу Наташи Ефим сплюнул на пол.

Подошла Лена и на вопросительные взгляды Сафиуллина и Наташи лишь отрицательно покачала головой.

– В базе данных есть сведения только о последних семи поколениях рода Янковских. И фамилии там самые разные, но никаких Пальчиковых я не видела. Он, судя по всему, века из девятнадцатого...

– Ну, спасибо вам огромное, дохтуры, – громко поблагодарил Ефим. – Я, пожалуй, пойду в бар: деньги свои заберу, если эти гады не смылись ещё! Дай вам Бог здоровья!

Ефим направился к двери, но Наташа, сделав несколько прыжков, достойных легкоатлета, опередила его и, расставив руки в стороны, загородила ему проход.

– Господин Пальчиков, мы не можем Вас отпустить. Вас ещё нужно... обследовать, – сказала она наобум.

Её тон и поза не могли не вызвать подозрений разве что у полного идиота. Ефим насто-роженно посмотрел на неё, а потом на Сафиуллина и Лену.

– Не надо меня обследовать, – медленно проговорил он. – Я... это... отлично себя чувствую... Да и заживает на мне всё... это... как на собаке...

– Но мы всё же Вас осмотрим. Для верности, – сказала Наташа, опуская руки и делая шаг к Ефиму.

Тот отшатнулся и, приглядевшись ко всем троим, вдруг воскликнул:

– А вы чё это... Дети что ли? Не дохтуры?

Лена удивлённо посмотрела на него.

– Вы только что заметили?

Лицо Наташи вдруг просияло пониманием, и она от переполнявших её чувств и мыслей хлопнула в ладони, от чего бедный Ефим снова отпрыгнул назад и чуть не упал.

– Он ведь только что из бара! – воскликнула Наташа.

– Ну, и что? – одновременно спросили Сафиуллин и Лена.

– Он же там пил!

Недоумённое молчание.

– Вы что, не понимаете? Этиловый спирт периодически действовал не его мозг. Липидные оболочки разрушались и восстанавливались, но именно в момент их разрушения Пальчиков ожил в Юре! Нейронная сетка Пальчикова повреждена, он пьян! – Наташа ликовала.

– То есть «Мемолин» заставил расти в мозге Юры заведомо повреждённые нейроны? – испуганно спросила Лена. – Это не может быть опасным для Юры?

– Думаю, нет, – сразу посерьёзнела Наташа. – Да и новая нейронная сетка, скорее всего, полностью восстановится через некоторое время. Есть, конечно, вероя...

В этот миг Ефим метнулся к двери прямо через Наташу. Сафиуллин среагировал моментально. Он одним прыжком настиг его, опрокинув на пол. Тот, падая, успел зацепить Наташу и пару приборов. Раздался громкий треск, закричала Наташа, их накрыло осколками стекла и чем-то ещё.

Сафиуллин лежал на Ефиме, стараясь удержать его, что было довольно сложно: Пальчиков отчаянно сопротивлялся, используя всю развитую мускулатуру Юры.

– Лена, биоморф! Скорее! – крикнула откуда-то слева Наташа.

– Уже! – ответила совсем рядом Лена и воткнула шприц в руку Ефима. Через несколько секунд он перестал брыкаться и, в конце концов, обмяк, потеряв сознание.

Сафиуллин тяжело поднялся.

– Ну, вы, детки, даёте! Мне в своё время такие эксперименты даже не снились!

– Но Вы же тоже занимались генетической памятью, – сказала Наташа, вытряхивая из волос осколки стекла.

– Занимался, – согласился он, – но пределом моих мечтаний были реалистичные галлюцинации, повествующие о жизни далёких предков, может быть, даже жителей Средневековья. Но об оживших мертвецах я даже и не думал!

– Мы тоже, – призналась Лена, испуганно глядя на Юру и заботливо стряхивая с него стекло и обломки разбитых приборов. – Ох, зачем я согласилась на этот эксперимент! Они же могут погибнуть!

– Мне кажется, они и без тебя нашли бы способ испытать препарат на себе, – успокаивала её Наташа, поглаживая подругу по плечу. – Бедный Юра! Поддался уговорам этого эгоиста! Лучше бы Ерёмин испробовал «Мемолин» только на себе! Не жалко!

Пренебрежительный тон, с которым она говорила о Роме, совсем не понравился Сафиуллину, но он промолчал: вдруг его потомок и вправду не самый лучший человек.

– Юра же сказал: Рома обладает парапсихологическими способностями, а он – нет. А Юра хотел проверить, как препарат действует на разных людях, – напомнила Лена, пытаясь поднять Юру с пола. – И не наговаривай на Рому! Юра сам предложил помощь!

– Пойдите-ка! – сразу оживился Сафиуллин. – Роман обладает парапсихологическими способностями?

– Ну, да, – ответила Наташа, не понимая, почему он так удивляется этому.

– Значит, я тоже, правильно? – уточнил учёный.

– Скорее всего, – неуверенно произнесла Наташа.

– Ребята, извините, конечно, но, может быть, вы мне можете? – прошипела Лена, сию секунду дотащить бесчувственное тело Юры до кушетки.

– Да, конечно. – Сафиуллин кинулся на помощь, и вместе они уложили Пальчикова на кушетку. Лена скрепя сердце принялась пристёгивать его ремнями, чтобы, очнувшись, он снова не попытался удрать.

– Интересно, почему он попытался сбежать? – спросила Наташа.

– А ты бы ему ещё под дулом пистолета обследоваться предложила! Он был бы счастлив остаться! – съязвила Лена, начав обрабатывать каким-то пахучим раствором царапины на лице Юры.

– Если такая умная, сама бы попробовала его остановить! – огрызнулась Наташа.

– Девушки, давайте лучше подумаем, как остановить рост нейронов, – предложил Сафиуллин, останавливая перепалку. – Я совсем не хочу убивать своего прапраправнука!

– А что тут думать! – воскликнула уже заведённая Наташа. – Нам придётся обратиться в Научный комитет...

– Нет! – перебила её Лена. – Рома и Юра хотели самостоятельно устранить недостатки «Мемолина». Мы не можем уклониться от плана, иначе у нас заберут проект, и Рома не сможет поступить на Биохимфак.

– Готова поспорить, они даже не предполагали, что дело будет касаться их жизнью! – выпалила Наташа.

– Может быть, но я знаю, Юра бы очень расстроился, если бы мы даже не попытались всё исправить, – тихо сказала Лена, смотря в Юрино лицо. – Давай попробуем, Наташ. – Она повернулась к подруге. – Мы не глупее этих задавак из комитета, тем более у нас есть человек, который первый провёл серьёзные исследования в области генетической памяти. – Она посмотрела на Сафиуллина. – Вы же нам поможете?

– Разумеется! Всё, что в моих силах! – горячо ответил он.

– К тому же наша лаборатория самая лучшая в городе, – продолжала уговаривать Лена. – И я уверена, что ты сама не захочешь отдавать проект «Глубокая память» государству. Мы же так долго над ним работали! Это открытие должно быть подписано нашими именами!

Наташа нахмурилась: в ней шла ожесточённая борьба между законопослушной гражданкой и учёным-фетишистом.

– Ну, хорошо, – наконец, сдалась Наташа. – Сделаем всё сами. Лен, мне нужны копии всех анализов Сафиуллина и Пальчикова на диске: я поработаю дома. Вам всем советую тоже пойти по домам, уже довольно поздно... А как же быть с Пальчиковым?

– Я останусь с ним на эту ночь, – вызвалась Лена. – А потом установим дежурство. Я предупрежу своих родителей и родителей Юры.

– Хорошо...

– А может, лучше я останусь? – спросил Сафиуллин. – Я же даже не знаю, где мой дом... И Роминых родителей я не знаю...

– Нет, Вам необходимо вернуться домой, – возразила Наташа. – Рома не был дома два дня. Боюсь, даже у таких демократичных родителей, как у Ромы, может лопнуть терпение.

– Но как я там появлюсь? Я же даже не знаю имен его родителей!

– А зачем Вам называть своих родителей по именам? – резонно спросила Наташа. – Самое главное – поменьше говорите о личном и побольше о науке! Не жалейте умных слов! Мама Ромы – художница, а папа, кажется, связан с милицией, так что особо внимательно Вас слушать они не станут.

– Придите домой, скажите пару слов родителям о хорошей работе в лаборатории и ложитесь спать, – посоветовала Лена. – А завтра, чуть свет, мы заберём Вас в школу.

– Мне что, ещё и в школу надо будет ходить? – спросил Сафиуллин.

– Вам шестнадцать лет! – напомнила Наташа.

– Ладно-ладно. А как мне добраться до моего дома?

– Я отвезу Вас на своём птеромобиле, – тут же ответила Наташа. – Ромин придётся оставить здесь: Вы с ним не управитесь... И ещё... – Она замаялась. – Будет довольно странно выглядеть, если мы с Леной будем обращаться к Роме на «Вы»... Так что, если Вы, конечно, не против...

– Конечно, давайте на «ты», – быстро ответил Сафиуллин. – Мне даже так лучше.

Наташа улыбнулась, и они, помахав на прощание Лене, вместе вышли из лаборатории.

Глава 5. В доме Ерёмных

Сафиуллин и Наташа вышли из здания и оказались на безупречно чистой улице. Прямо перед ними, там, где должна была находиться дорога, лежала широкая полоса, светящаяся в темноте мягким ярко-зелёным светом. По обе стороны от неё возвышались невиданной высоты дома, казалось, они поддерживают тёмное облачное небо, которое тоненькой полоской проступало между вершинами небоскрёбов. Вдоль дороги, освещавшей всё вокруг, медленно и почти бесшумно колесило нечто, похожее на маленький танк с двумя клешнями, напоминавшими скорпионьи. Провожаемая недоумённым взглядом Сафиуллина, машина скрылась за углом.

– Это робот-дворник, – ответила Наташа на немой вопрос Сафиуллина. – Повсеместно они стали использоваться совсем недавно. До этого всю работу выполняли люди. По-моему, это ужасно, когда люди в двадцать втором веке работают так, будто живут в девятнадцатом! Правда, появление роботов вызвало определённые проблемы. Например, волну безработицы, от которой снова начала набирать силу преступность. Пришлось опять набирать милицию, которую за отсутствием работы стали распределять на производства. Жаль, но, я думаю, это временные проблемы. Скоро занятость населения снова нормализуется, и будет, как раньше.

Сафиуллин подумал, что Наташа очень верит в своё государство и поэтому старается не нарушать установленных правил и законов. Конечно, правительство могло и измениться, но лично ему в это не верилось. По его устоявшимся взглядам в правительстве меньше честных людей, чем в тюрьме. Но он не стал говорить об этом Наташе.

Наташа немного демонстративно вскинула вверх руку, задирая рукав и обнажая запястье, на котором был блестящий чёрный браслет. Нажав на нём что-то, она опустила руку и застыла, ожидая чего-то. Ждать пришлось недолго. Через несколько секунд к ним бесшумно подлетел птеромобиль, с виду больше похожий на самолёт-истребитель, чем на автомобиль. Он остановился около них, повиснув в метре над светящейся трассой.

– Летающий автомобиль? Фантастика! – воскликнул Сафиуллин. – Но как?

– Видишь дорогу? Она не совсем обычная, не такая, какой была шестьдесят лет назад. Она сделана из сверхпроводящего материала, по ней электричество поступает в город, в каждый дом, в каждую квартиру абсолютно без затрат энергии. Нет сопротивления электропроводящего материала – нет и потерь электроэнергии. Электричество, проходя по материалу, создаёт мощное магнитное поле, которое и используют для полёта птеромобиля, – объяснила Наташа.

– А почему дорога светится? – спросил Сафиуллин.

– Сверхпроводящая поверхность покрыта специальным слоем, состоящим из веществ, отдающих энергию, впитанную днём от солнца, в виде света. В облачные дни, когда света мало, дорога всё равно светится, так как самый верхний слой – это вещества, отражающие даже самый слабый свет.

– Здорово придумано! – изумился Сафиуллин изобретательности будущих инженеров и учёных. – То есть это и дорога, и линия электропередач, и уличное освещение?

– Да, – ответила Наташа, явно гордящаяся достижениями своего времени. – Это экономически очень выгодно!

Они залезли в птеромобиль, и Наташа начала набивать что-то на клавиатуре, которая была в машине вместо руля.

– Э-э... прости, что ты делаешь? – спросил её Сафиуллин.

– Даю компьютеру конечные координаты, – пояснила она. – Исходя из них, птеромобиль сам вычислит наилучший маршрут... Готово, полетели!

Из спинок единственных двух кресел, на которых они сидели, вырвались ремни и намертво пристегнули Наташу и Сафиуллина. Птеромобиль начал плавно набирать высоту.

Только, когда они оказались на уровне пятого этажа, машина рванула вперёд с грандиозной скоростью. Кроме визжащего в ушах ветра, никаких звуков не было: ни от машины, ни с улицы. Дома по обе стороны от дороги слились в сплошные серые линии.

Под ними то и дело пролетали другие птеромобили, превращённые чудовищной скоростью в размытые пятна.

Сафиуллин покосился на Наташу: та, как и он, спокойно сидела, ничем не управляя. Видимо, в будущем исчезнет понятие о хорошем водителе, ведь все будут водить одинаково идеально.

– Почему мы летим на такой высоте? Нельзя спуститься ниже? – прокричал Сафиуллин, представляя, с какой высоты им придётся падать вниз в случае какой-нибудь неисправности или аварии.

Наташа удивлённо посмотрела на него, а потом, что-то вспомнив, вытащила из бардачка пару наушников с микрофонами и нахлобучила одни на голову Сафиуллину.

– Наверное, все нижние уровни дороги заняты, – отчётливо раздался голос Наташи из наушников, как только она надела свои. – Не беспокойся, компьютеру виднее.

– А попасть в аварию мы не можем? – спросил он напрямик.

– Нет, – категорично ответила Наташа. – Компьютер синхронизирует траекторию нашего движения с другими. Так что авария возможна только в случае поломки.

Это его не успокоило. Ему всё равно было немного страшно лететь на такой высоте с такой скоростью, в миллиметре уворачиваясь от движущихся навстречу птеромобилей.

Наконец, птеромобиль почти мгновенно остановился. Если бы не ремни безопасности, их бы точно размазало по лобовому стеклу. Машина плавно опустилась вниз и опять зависла над самой землёй.

– Вот твой дом. – Наташа кивнула на серый дом, ничем не отличающийся от других, одновременно нажимая что-то на панели, отчего ремни безопасности тут же всосались обратно в спинки кресел. – Десятый этаж, квартира 80. Помни: поменьше разговоров о себе, побольше о науке. И вообще, говори поменьше. Сразу ложись спать, сославшись на бессонную ночь. Завтра, ровно в семь часов утра, мы с Леной заберём тебя в школу. Твои родители вряд ли встанут в такую рань, так что разговаривать с ними снова тебе не придётся. До восьми часов мы попытаемся объяснить тебе, как ведёт себя Роман Ерёмин в школе. Я буду всю ночь разбираться с вашими анализами: посмотрю, какие отклонения в организме вызвал «Мемолин» и почему новые нейроны не распадаются через несколько часов, как у мышей.

– Может быть, я смогу чем-нибудь помочь тебе? – спросил Сафиуллин.

Наташа как-то странно улыбнулась.

– Нет, спасибо. Самое главное – правдоподобно играй Рому, пока мы не найдём способ вернуть его головной мозг в нормальное состояние.

– Постараюсь, – сказал Сафиуллин и вышел из птеромобиля. – До завтра.

– Пока.

Птеромобиль снова взмыл вверх и молниеносно скрылся за углом.

Сафиуллин вошёл в дом, поднялся на лифте на десятый этаж и, оглядевшись, увидел золотое «80» на одной из дверей. Подойдя к ней, он не обнаружил рядом звонка. Тогда он, повернув ручку, просто потянул на себя дверь – к его удивлению он легко поддалась, и Сафиуллин вошёл.

На звук открывающейся двери из соседней комнаты вышла красивая стройная женщина с длинными тёмными, как у Ромы, волосами. Она выглядела намного моложе своих лет и приятно улыбалась. Это была мама Ромы.

– Наконец-то, пришёл! – ласковым голосом сказала она, подходя к нему. – Почему же так долго, Ром? Ты обещал вернуться сегодня утром. Я, конечно, всё понимаю: проект, поступление. Но можно же было предупредить!

Сафиуллин, совершенно не готовый к встрече с потомками морально, замер, тупо уставившись на маму Ромы.

– Ну, ладно, иди садись за стол, сейчас что-нибудь приготовлю, – сказала она, не заметив его ступора.

Они прошли в уютную светлую кухню. Мама Ромы достала из холодильника тарелку, наполненную большими зелёными бобами, взяла со стола какой-то баллончик и начала распылять приятно пахнущую жидкость из него на бобы. Они почти мгновенно преобразились: стали ещё крупнее и поменяли цвет на ярко-оранжевый.

– Держи. – Мама Ромы поставила перед Сафиуллиным тарелку и опять отвернулась к холодильнику.

Сафиуллин получил немного времени, чтобы изучить бобы. На вид они были съедобны и пахли очень аппетитно. Он взял один и осторожно надкусил. М-м-м! У плода был вкус, напоминающий чем-то апельсин, и очень много сока, который тут же облил руку. Вытерев руку о штаны, Сафиуллин принялся с удовольствием поглощать неведомые бобы. Он только что ощутил, что очень голоден.

– Я так и знала, что опять ничего не ел в лаборатории! – с укором сказала мама Ромы, поставив перед ним стакан с соком. – Ты с этой своей биохимией всё на свете забываешь! Ну, что сегодня нахимичил?

Сафиуллин, вспомнив советы девушек, сразу ответил:

– Ничего особенного. Немного усовершенствовали DDNC. Представляешь, оказывается введение аминокислотной группы в бета-положение делает молекулу более цепкой благодаря новой водородной связи, образующейся между ней и молекулой нуклеиновой кислоты. Далее мы соединили DDNC с производным индола, которое в составе молекулы отлично размягчает оболочку ядрышка, что способствует лучшей проникающей способности препарата. И при всём при этом огромные молекулы нового DDNC сохраняют стабильность в довольно большом интервале температур, что позволяет без опасений вводить его человеку. К тому же есть предположение, что он будет усиливать действие N,N – диэтиламида лизергиновой кислоты. Эта работа достойна бессонных ночей, правда?

– Да, но... – Мама Ромы бросила на Сафиуллина недоумённый взгляд. – Мне казалось, что вы уже модернизировали DDNC в самом начале ваших исследований. Или я опять что-то напутала?

У Сафиуллина пересохло в горле: она ничего не перепутала. Он серьёзно ошибся, полагая, что мать-художница не знает самых элементарных вещей в проекте «Глубокая память».

– Э-э... мы решили опять усовершенствовать его, чтобы уменьшить его гигроскопичность и сделать его более устойчивым к гидролизу, – сказал Сафиуллин, понимая, что его слова – полная ахинея, но от души надеясь, что художники в будущем всё же не настолько хорошо разбираются в химии.

Но всё обошлось: мама Ромы довольно кивнула и отпила из своего стакана сок.

Сафиуллин в молчании (чтобы не сказать ещё что-нибудь лишнее) доел тарелку сладких бобов, поблагодарил Ромину маму и, сонно промямливая, что хочет отдохнуть, вышел из кухни в коридор.

«Где же комната Ромы?» – подумал он и открыл ближайшую дверь.

В комнате было темно. Сафиуллин начал шарить руками по стенам в поисках выключателя и, наткнувшись на что-то неустойчивое, опрокинул его.

– Бли-и-ин! – шёпотом протянул он.

– Чё ты там роешься! – прорычало что-то в темноте, да так, что Сафиуллин от страха подскочил.

– Извините... то есть... я... я тут нечаянно...

– Чё ты там бубнишь? – И на фоне окна, освещаемого зелёным светом дороги, появился нечёткий силуэт мощного человека. – Пшёл прочь! Не видишь, я с дежурства! Ночь не спал! А ты где-то шлялся, бездельник!

Сафиуллин, потрясённый до глубины души таким обращением к себе, сразу же вскипел:

– Простите, что потревожил Вас, но я всего лишь...

– Он ещё и издевается! – прогремел силуэт. – **ВОН ОТСЮДА!!!**

– Рома, что происходит? – спросил сзади испуганный голос матери Ромы. – Зачем ты сюда зашёл?

Вопрос показался Сафиуллину более чем странным. Разве он, Рома, не может войти в любую комнату в этой квартире?

– Иди в комнату, не мешай папе спать, – мягко сказала мама Ромы и, потянув его из комнаты, закрыла дверь.

Сафиуллин был ошарашен: этот грубиян – отец Ромы?

Значит, он его праправнук. Кошмар!

«В будущем не всё так идеально, как кажется с первого взгляда!» – подумал он.

– Иди в комнату, поспи. Завтра в школу, – сказала как ни в чём не бывало мама Ромы и ушла на кухню.

Сафиуллин прошёл дальше по коридору и свернул влево, в открытую настежь комнату. Выключатель он нашёл почти сразу. Яркий свет ослепил привыкшего к темноте Сафиуллину, и он, отморгавшись, осмотрел комнату.

Комната точно принадлежала Роме. У широкого окна стоял небольшой письменный стол, на котором лежал ноутбук и пара тетрадей. К противоположной стене примыкала кровать, над которой была прибита книжная полка, полностью набитая книгами. Между полкой и кроватью стену закрывала большая таблица Менделеева. Всю противоположную стену загоразивал большой шкаф со множеством дверей.

Сафиуллин подошёл к книжной полке и прочитал название нескольких книг: «Общая химия», «Химия биологически активных соединений. Учебник для вузов», «Парапсихология и химия. Взаимное влияние», «Конструирование макромолекул», «Биологические полимеры», «Психотропные вещества и их действие на человеческий организм».

«Да-а, кажется, парень серьёзно намерен стать учёным-химиком», – не без гордости подумал Сафиуллин.

Он подошёл к шкафу и, не обращая внимания на внутренний голос, говоривший, что рыться в чужих вещах нехорошо (любопытство сильнее!), стал открывать его дверцы. В самом большом отделе он обнаружил немного вещей, поверх которых лежал безупречно белый, идеально сложенный медицинский халат. Ещё несколько ящиков были забиты исписанными косым почерком тетрадями. Открыв следующую дверцу, Сафиуллин с огромным удивлением обнаружил три маленьких полочки, до отказа заставленные химическими реактивами и стеклянной посудой. Соли, запертые в маленьких стеклянных скляночках, кислоты, стоявшие бок о бок в изящных плоскодонных колбах, органические вещества в тёмных баночках, занимавших целую полку и тучи, тучи стеклянных пробирок в пластмассовых штативах!

Сафиуллин ошарашено смотрел на всё это богатство, и его переполняло невероятное чувство нежности к своему потомку, телом которого он временно владеет. Минилаборатория Ромы напомнила ему его собственную, которая у него была в детстве, правда, та была намного меньше.

– Потрясающий юноша! – со слезами на глазах сказал Сафиуллин вслух. – Достойная смена! Ты и твои друзья добьётесь успеха! Я уверен! С таким энтузиазмом ты легко станешь первоклассным химиком! И я тебе в этом помогу!

Глава 6. Культурология и парапсихологический взрыв

Утром Сафиуллин проснулся ни свет, ни заря, а всё из-за того, что ночью его мучили бесконечные кошмары. Вспышки незнакомых воспоминаний сменялись чьими-то криками, а те в свою очередь превращались в изрыгающий проклятия чёрный силуэт на фоне зелёного окна...

До семи был ещё целый час, и Сафиуллин решил занять это время чтением одной из Роминых книг. Постояв в нерешительности у книжной полки (от такого разнообразия специальной литературы разбегались глаза!), он выбрал «Азотсодержащие гетероциклические соединения и их биологическая роль» и удобно устроился в мягком кресле перед письменным столом.

От огромного количества неизвестной ему информации – сколько всего открыли за прошедшие со дня его смерти шестьдесят лет! – время пролетело, как мгновение, и, вынырнув из поглотившей его книги, Сафиуллин обнаружил, что до встречи с девушками осталось десять минут.

Сафиуллин надел белую рубашку, чёрные брюки и пиджак в тон, с трудом привёл расчёсанные волосы прапраправнука в порядок и, схватив полупустую школьную сумку, валяющуюся на полу около письменного стола, помчался вниз по лестнице, не дожидаясь лифта.

Два птеромобиля уже висели в пяти метрах от подъезда. Наташа и Лена встретили его приветливыми улыбками.

– Как первая ночь в новом доме? – участливо спросила Наташа.

– Отлично, – с лёгкостью соврал Сафиуллин. Он решил не рассказывать девушкам о своих реалистичных кошмарах, чтобы не волновать их лишний раз. – А вы как? Обе не спали?

– Да, – устало ответили девушки.

– Всю ночь программировала лабораторный компьютер, чтобы он через электрокапельницу каждый час впрыскивал в кровь Юры дозу снотворного, – пожаловалась Лена. – Кажется, у меня неплохо получилось. За всю ночь он не разу не проснулся.

– А вдруг с ним что-нибудь случится, пока мы в школе? – нахмурился Сафиуллин.

– Не беспокойся, компьютер периодически будет отправлять мне информацию о состоянии Юры на мобильный телефон, – сказала Лена.

– Прекрасно! Молодец! – повалил Сафиуллин, и она скромно улыбнулась. – А ты как, Наташ?

Но Наташа не спешила с ответом. Она всматривалась в одежду Сафиуллина и в его причёску.

– Что-то не так? – не вытерпел он.

– Нет-нет, всё хорошо, – подпрыгнула она, а потом слишком лучезарно улыбнулась. –

Просто ты выглядишь очень опрятным...

– Спасибо. – Сафиуллин не понимал в чём дело.

– ...слишком опрятным для Ерёмкина, – закончила Наташа.

Она подошла к нему и, густо покраснев, растрепала ему волосы.

– Так более-менее, – зарделась она. – Полетели?

Они расселись по птеромобилям: Наташа с Сафиуллиным в один, Лена в другой – и, взмыв в свинцовое небо ещё выше, чем вчера, понеслись в школу.

Сафиуллин сразу надел наушники и протянул ещё один Наташе: ему хотелось расспросить её о результатах вчерашней работы.

– Я ничего не нашла. Ни одной зацепки, ни одного отклонения от нормы! Ты совершенно здоров! Не считая того, что можешь умереть через пару дней! – мрачно пошутила Наташа.

Сафиуллин издал невесёлый смешок.

– И что мы теперь будем делать?

– Остаётся только найти способ убить образовавшиеся нейроны, не задев нейроны Ромы и Юры, – ответила Наташа. – Пока я не придумала, как это сделать. Кстати теперь ты очень даже сможешь нам помочь!

– Правда? Каким образом? – оживился Сафиуллин.

– Ты изучал химию телепатии и других парапсихологических способностей, поэтому о человеческом мозге ты знаешь не меньше нас. Так что теперь будем работать в три головы, – объяснила Наташа.

– Здорово! После школы в лабораторию? – с надеждой спросил он: ему жутко не хотелось возвращаться домой.

Наташа рассмеялась:

– Ты сейчас сказал точь-в-точь, как Рома! Тот тоже вечно летал после школы в лабораторию. Ну, разумеется, до того, как начал встречаться с этой Егоровой!

Она заметно помрачнела.

– Я с кем-то встречаюсь? – испуганно спросил Сафиуллин.

– Уже нет. Вы недавно расстались, – буркнула Наташа, отвернувшись от него, но Сафиуллин не заметил: он думал о том, что она сказала.

«Вечно летал после школы в лабораторию? Неудивительно! Я бы и сам ни одной лишней минуты в таком доме не провёл!» – подумал Сафиуллин.

– Наташ, а Рома никогда не говорил вам о своих родителях? – как бы между прочим спросил он.

– Нет, – подумав, ответила Наташа. – Мы с ним не особо много общались... А что?

– Да нет, ничего. Просто хотел узнать о них побольше. Мне же с ними жить.

– Всё, что знаю, я тебе уже сказала.

Сафиуллин несколько не удивился её неведенью, и дело, как ему казалось, не в малом общении. Он был уверен, что мало кто из друзей Ромы мог что-нибудь рассказать о его родителях: парень, видимо, всегда избегал этой темы. Хотя лучший друг Ромы, Юра, может быть, и знал об атмосфере, царившей в доме Ерёминых, но он, как и сам Рома, оказался в плену своего предка.

– Слушай, а что я должен делать в школе? Ну... как себя вести?.. Есть у Ромы какие-нибудь особенные черты поведения?

– Ну-у-у... – протянула Наташа, вспоминая. – Я бы не сказала, что он ведёт себя как-то по-особенному. Вы с ним довольно похожи, только он, в отличие от тебя, любит отпускать колкие шуточки... иногда даже очень обидные... Но в остальном... Самое главное – эти несколько дней держаться подальше от одноклассников и учителей. Это, конечно, вряд ли, получится, но ты постарайся... Жаль Юра не с нами: Рома с ним не расставался, закадычные друзья... Никто не знает Рому лучше него. Кстати, если кто спросит, Юра поехал навестить бабушку в Беломорск, и его не будет несколько дней.

– Хорошо, – кивнул он. Без прямых инструкций он чувствовал себя довольно неуверенно.

Остаток пути они пролетели молча. Птеромобили остановились у трёхэтажного голубого здания, стоявшего уголком к дороге.

– Вот и наша школа, – сказала Наташа, махнув рукой в сторону здания. – А это, – она протянула сложенный вчетверо тетрадный листок, – шпаргалка. Там наше расписание, имена учителей и домашнее задание на два первых урока: на них тебя могут спросить. Я, правда, буду постоянно тянуть руку, чтобы тебя не трогали, но есть у нас учителя, не ищущие лёгких путей. Особенно будь осторожен на культурологии – Лилия Владимировна недолюбливает Рому.

– Спасибо большое, – поблагодарил Сафиуллин от всей души, принимая листок. Хоть какая-то подготовка! – А почему она не любит Рому?

– Точно не знаю... По-моему, Лилия Владимировна когда-то учила его маму... Ну, и в общем, у них были довольно натянутые отношения. Кажется, Лилия Владимировна всегда говорила, что из Роминой мамы не выйдет толка, потому что у неё нет таланта к живописи, а она возьми да и стань знаменитой художницей! И теперь Лилия Владимировна отыгрывается на Роме... Так что будь, пожалуйста, осторожен...

– Буду, – пообещал Сафиуллин.

Оставшееся до занятий время они провели в пришкольном парке. Сафиуллин засыпал девушек вопросами о друзьях, учителях, оценках Ромы, его предпочтениях в учёбе, о его хобби и о многом другом, силясь извлечь как можно больше информации, чтобы образ Ромы был правдоподобнее. Девушки терпеливо отвечали на вопросы; правда, когда речь зашла о личной жизни Ромы, Наташа неожиданно надулась, а Лена, сказав, что ничего не знает, быстро перешла на другую тему.

Без пяти восемь все трое поспешили в школу. Первым уроком была геометрия, которую вела строгая на вид учительница Тамара Игнатъевна. Со школьной скамьи в области геометрии Сафиуллин унёс совсем немного. Где-то, глубоко в памяти, ещё теплились теорема Пифагора и три признака равенства треугольников, но они не помогли ему понять стереометрию, которую так упорно пыталась втолочь ученикам Тамара Игнатъевна. Сафиуллина совершенно неожиданно для самого себя захотелось вдруг сжаться, занимать как можно меньше места или спрятаться за широкой спиной сидящего впереди, чтобы не попадаться на глаза учительнице. «Да что со мной? Веду себя, как последний двоечник! А ведь у меня золотая медаль!» – подумал он. Но, к счастью, проверять, насколько верна ему память, не пришлось: Наташа просто не давала Тамаре Игнатъевне такой возможности. На любой вопрос учителя её рука взметалась вверх раньше немногочисленных других. По этому отработанному движению Сафиуллин понял, что у неё это вошло в привычку. Или это рефлекс, как у собак Павлова?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.